

ПУТЕШЕСТВІЕ
АРХИМАНДРИТА ПОРФИРІЯ УСПЕНСКАГО
ВЪ
НИТРІЙСКІЕ МОНАСТЫРИ, ВЪ ЛИВІИ,
ВЪ 1845 ГОДУ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Путь отъ Каира до монастыря св. Макарія.

Іюнь 1845 года.

1. Пятница.

Много яркихъ звѣздъ на небѣ: но не много между ними такихъ великолѣпныхъ созвѣздій, каковы Оріонъ, или Крестъ.

Много драгоценныхъ камней въ нѣдрахъ земли: но мало между ними такихъ, какъ *іора свѣта*.

Много благовонныхъ цвѣтовъ на горахъ и въ долинахъ, на поляхъ и въ садахъ: но краше всѣхъ ихъ розы и лиліи.

Много *званыхъ* въ царство небесное: но въ числѣ ихъ не много такихъ *избранныхъ*, какъ апостолы, вселенскіе учителя, преподобные и богоносные отцы.

Узналъ я избранныхъ Божиихъ, спасавшихся въ юдолахъ Синаи. Теперь иду въ нитрійскую пустыню, гдѣ древле подвизались облагодаствованные мужи, дабы въ сердцѣ своемъ запечатлѣть правое ученіе ихъ и поревновать святому житію ихъ.

Боже, дивный во святыхъ Твоихъ, благослови странствіе мое!

Въ четыре часа по полудни я выѣхалъ изъ Каира, вѣрившись руководству переводчика моего Ибрагима. Онъ повелъ малочисленный поѣздъ мой по пыльной дорогѣ, ведущей въ лѣтнюю усадьбу египетскаго паши, Шубру. Огромные, развѣсистые сикоморы приосѣняли эту дорогу такъ, что ни одна струя свѣта не проникала туда. Многіе изъ нихъ были накрыты сѣтками, дабы птицъ не клсвали созрѣвающихъ на нихъ плодовъ, по виду похожихъ на малыя груши. Пріятно было ѣхать подъ прохладною тѣнію этихъ величественныхъ деревьевъ. Кто насадилъ ихъ, тотъ угодилъ своимъ ближнимъ.

Въ Шубрѣ папійскій садовникъ, православный христіанинъ, упросилъ меня посѣтить домъ его. Я благословилъ все семейство его, и поѣхалъ въ Алюбъ, гдѣ предположено было почевать. На пути къ этому еселенію нѣтъ ничего замѣчательнаго, кромѣ древняго каменнаго моста надъ каналомъ близъ деревни Митнаме, украшеннаго выпуклыми изображеніями львовъ. Всѣ окрестныя нивы уже дали обильную жатву пшеницы. Черноземная поверхность ихъ отъ сильнаго жара запеклась и растрескалась, такъ что нѣкоторыя расщелины были шире ступни и глубже локтя. Видно, нильская вода, разливаясь здѣсь посредствомъ искусственныхъ ваналовъ, не глубоко увлажяетъ нѣдра земли, и потому вывѣтривается скорѣ послѣ жатвы. Не будь ежегоднаго разлива Нила,—весь Еги-

петь обратился бы въ муку. А что такое Египетъ? Это—пахатная долина, извивающаяся между песчаниковыми горами и орошаемая рѣкою.

Въ Альюбъ мы приѣхали по закатѣ солнца и расположились ночевать подлѣ фабрики, въ которой выдѣлываютъ хлопчатую бумагу. Крѣпкій сѣверный вѣтеръ потрясалъ мою куцу; но она не надала, держась пятью подмогами своими. Такъ житейскія бури иногда угрожаютъ разстройствомъ доброму дѣлу, уже совершенному и вознагражденному душевнымъ утѣшеніемъ; но это дѣло не погибнетъ, если оно укрѣплено пятью вѣрными опорами: я разумѣю преданность Богу, правду, благоразуміе, безкорыстіе и общепользность.

2. Суббота.

Предъ разсвѣтомъ вѣтеръ утихъ. Четыре альюбца, охранявшіе насъ ночью, пошли домой, весело посмотрѣвъ на денежный подарокъ мой и пожелавъ намъ счастливаго пути. А мы отправились въ верхнюю Шубру въ сорокъ минутъ пятого часа.

Съ дороги, пролегавшей вдоль праваго берега Нила, видны были три большія пирамиды.

Я ѣду и люблюсь этими громадными зданіями. Любуясь ими, припоминаю слова Плинія: *pyramides radios solis representant*—пирамиды представляютъ собою лучи солнца; припоминаю и мнѣніе древнихъ египтянъ о пирамидальномъ изліяніи свѣта изъ солнца, какъ это доказываетъ іероглифъ ихъ, представляющій это изліаніе . Припомнивъ же то и другое, разгадываю значеніе пирамидъ, и заключаю, что эти храмы бога-солнца, служившіе усыпальницами для фараоновъ, означали четыре страны свѣта. Послѣ такого заклю-

ченія Ёду веселѣе, и припоминаю сказаніе египетскихъ жрецовъ Иродоту (за 450 л. до Р. Х.) о томъ, что во время, протекшее между царствованіями фараоновъ Менеса и Сетоса, *солнце четыре раза перемѣняло мѣста свои: дважды восходило тамъ, гдѣ западаетъ, и дважды западало тамъ, гдѣ восходитъ* ¹⁾; но, не смотря на то, въ Египтѣ тогда не было никакихъ перемѣнъ, ни болѣзней, ни смертности. Это сказаніе изумляетъ меня. Ни исторія астрономіи, ни лѣтописи древнѣйшихъ народовъ восточныхъ не подтверждаютъ его ниѣ. Не смѣю уличить Иродота въ ошибкѣ, потому что жрецы разговаривали съ нимъ о счетѣ времени, а не о какомъ либо мозголювномъ предметѣ; слѣдовательно, что и какъ они сказали ему, то такъ и записалъ онъ; да и самыя выраженія ихъ, отзывающіяся словоупотребленіемъ мѣстной астрономической школы, ручаются за точность передачи разговора.— Ёду, и никого не видя и ничего не слыша недоумѣваю. Недоумѣніе мое запутывается вопросами. Ужели въ самомъ дѣлѣ было то, что жрецы повѣдали Иродоту? Ужели сѣверъ дважды былъ югомъ, и западъ востокомъ? Ужели наша Россія дважды была жаркою страной? Ужели пирамиды построены для означенія *нынешняго* востока и запада солнца? Не срывается ли въ сказаніи жрецовъ воспоминаніе о стояніи сего свѣтила въ день битвы Исуса Навина съ хананеями, и о возвращеніи его на десять степеней во дни іудейскаго царя Езекиа? Но какое сходство между этими чрезвычайными явленіями и двукратнымъ восходомъ солнца на западной сторонѣ неба?

¹⁾ Herodot. 11, 142.— Ἐν τοῦτῳ τῷ χρόνῳ τετράκις ἔλαγον ἐξ ἡθάρων τὸν ἥλιον ἀνατεῖλαι: ἔνθα τε νῦν καταδύεται, ἐνθαῦται δις ἐπανατεῖλαι, καὶ ἐνθαυ νῦν ἀνατέλλαι, ἐνθαῦτα δις καταδύναι.— Смотри Herodot. 1, 15. ἡθῶν—ископываніи.

Какъ признать тождество событій, о которыхъ говорятъ не одинаково и которыя не совпадаютъ по времени? Почему при двукратномъ перемѣщеніи странъ свѣта не выпадалъ въ Египтѣ сѣнь? Почему не замерзаль тамъ Ниль? Почему не произошло тамъ никакой перемѣны? Последніе три вопроса заставили меня подумать. Я углубился въ смыслъ сказанія жрецовъ и, подумавъ, составилъ слѣдующее умозаключеніе. «При двукратномъ перемѣщеніи странъ свѣта должны бы произойти необычайные перевороты на земномъ шарѣ. А ихъ не было, по замѣчанію египетскихъ жрецовъ. Слѣдовательно, и солнце не восходило тамъ, гдѣ западасть. А если этого не было, то сказаніе жрецовъ должно быть понимасмо въ переносномъ смыслѣ». Какъ же? Новая задача представилась мнѣ. Рѣшить ее помогъ мнѣ древній латинскій писатель Помпоній Мѣла. Онъ сказалъ, что *съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ египтяне, звезды четыре раза перемѣняли теченіе свое* ¹⁾. Признавъ нѣкоторое сходство между свидѣтельствомъ его и вышеизложеннымъ сказаніемъ Иродота, и припомнивъ, что египетскіе жрецы считали время такъ называемыми соизическими циклами, т. е. круговыми поворотами небеснаго свѣтила, изъ которыхъ одинъ состоитъ изъ 1461 солнечнаго года, и что такихъ поворотовъ, начиная отъ перваго человека (Менъ-Менесъ) до Фараона Сетоса (1322 г. до Р. Х.), было четыре ²⁾, я заключилъ, что подъ четырехкратнымъ перемѣщеніемъ солнца жрецы разумѣли не что иное, какъ четыре поворота его, считая въ каждомъ изъ нихъ 1461 годъ.

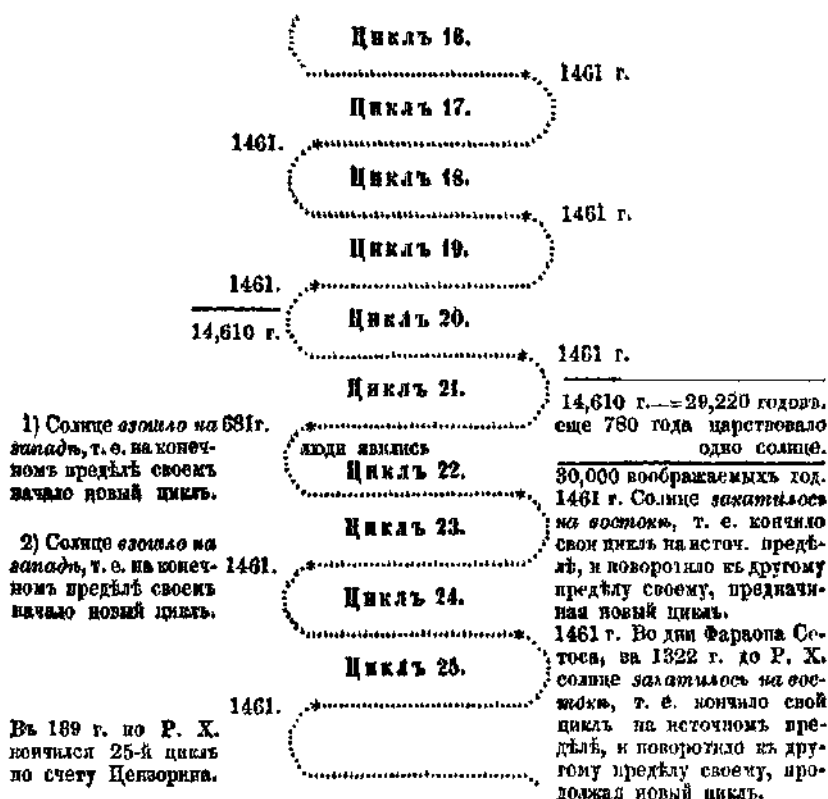
1) Pompon. Mela. l. 9. Mandatum litteris servavit, dum Aegyptii sunt, quater cursus suos vertisse sidera.—Жаль, что Помпоній не сказалъ, сколько тысячъ лѣтъ звезды перемѣняютъ теченіе свое.

2) Кромѣ двадцати астрономическихъ, отвлеченныхъ цикловъ, въ теченіи которыхъ, по мнѣнію ихъ, царствовало одно солнце.

The diagram illustrates the 15-year solar cycle, showing the sequence of years and the corresponding zodiac signs (Знаки) and constellations (Солнечный знак). The cycle is represented by a series of connected loops, each containing a year and a constellation. The years are listed on the left, and the constellations are listed on the right. The cycle starts with the year 1461 and ends with the year 1506.

Year	Constellation
1461	Цикль 1.
1461	Цикль 2.
1461	Цикль 3.
1461	Цикль 4.
1461	Цикль 5.
1461	Цикль 6.
1461	Цикль 7.
1461	Цикль 8.
1461	Цикль 9.
1461	Цикль 10.
1461	Цикль 11.
1461	Цикль 12.
1461	Цикль 13.
1461	Цикль 14.
1461	Цикль 15.

Такое уясненіе астрономическаго яносказанія египетскихъ жрецовъ казалось мнѣ удовлетворительнымъ. Отъ Менеса до Сетоса, въ теченіи 5064 годовъ солнце *четыре раза перемѣняло мѣста свои*, т. е. совершало четыре круговращенія: *дважды восходило на западъ*, т. е. дважды начинало новый циклъ на конечномъ предѣлѣ своемъ въ небѣ, и *дважды западало на востокъ*, т. е. дважды оканчивало циклъ свой на восточномъ предѣлѣ своемъ въ небѣ ¹⁾. Рѣшеніе сей труд-

¹⁾ Приспособительно къ выраженіямъ египетскихъ жрецовъ можно говорить, что въ 189 году по рождествъ Христовыхъ солнце въ третій разъ *возшло*

пѣйшей задачи было мнѣ слаще апельсиннаго сока, которымъ я прохлаждался. Оно вызвало любимую мысль мою, что первобытные люди были не дикари, а мудрецы въ своемъ родѣ. Ихъ астрономическія познанія, добытія въ самое раннее время и завѣщанныя потомству вмѣстѣ съ многими изобрѣтеніями, доказываютъ присутствіе въ нихъ сильнаго ума и сильнѣйшаго стремленія къ безпредѣльному небу и къ вѣчному свѣту. А что значить это стремленіе? Оно значить, что человекъ сотворенъ Отцемъ свѣтовъ съ умомъ свѣтлымъ, съ любовію къ свѣту истины и съ надеждою жить вѣчно въ свѣтломъ небѣ.

Это небо отражалось въ египетской водотечи, къ которой у Шубры мы подъѣхали въ восемь съ половиною часовъ. Переводчикъ мой тотчасъ нанялъ большое перевозное судно для переправы насъ черезъ Нилъ. Долго погонщики нашихъ верблюдовъ мучились съ этими животными, не привыкшими къ забкому пути, понуждая ихъ криками и ударами войти въ судно, и не одолевая водобоязни ихъ. Наконецъ они храпчивымъ звукомъ хъ-хъ заставили ихъ поджать ноги, и веревками связавъ имъ согнутыя колѣна, втащили ихъ туда ползкомъ безъ вьюковъ. Переправа судна подъ парусомъ, при слабомъ вѣтрѣ, продолжалась десять минутъ. На лѣвомъ берегу верблюды вышли вольно. Ихъ нагрузили. Поѣздъ мой потянулся къ деревнѣ Бирь-Самъ, стоящей на лѣвомъ берегу Нила, и прибылъ туда въ полдень.

Было жарко. Надлежало дать роздыхъ вьючнымъ животнымъ и пѣвымъ погонщикамъ ихъ, и переждать зной дня. Мы устлались вокругъ одного тѣнистаго дерева и подкрѣпили свои силы пасущимъ хлѣбомъ и плодами.

на западѣ, а въ 1600 году въ третій разъ закатилось на востокъ. Мы живемъ въ началѣ 27 дня, который кончится въ 3061 году. Тогда солнце въ четвертый разъ взойдетъ на западѣ.

Вдали отъ насъ уединенно молилась какая-то женщина. Сначала она стояла неподвижно, какъ статуя, потомъ сдѣлала нѣсколько поспѣшныхъ поклоновъ, наконецъ стала на колѣни и многократно принимала челомъ къ сырой землѣ.

Она молилась, а я писалъ: «Женщина не законодательствуетъ, не управляетъ общественными дѣлами, не носитъ меча, не правитъ рулемъ, не владѣетъ зодческимъ отвѣсомъ, не занимается науками. Но она вѣруетъ въ Бога, любить Его, вадѣется на Него, покорствуется волѣ Его, молится Ему, и исполняетъ заповѣди Его. Близъ заключеннаго рая женщина первая произнесла слово *Богъ*, когда родивъ сына сказала: *стяжаша человека Богомъ*. Близъ отвореннаго рая, Дѣва-мать первая возвеличила Господа и духомъ радовалась о Богѣ Спасителѣ живомъ. А Спаситель женщинѣ открылъ сущность истиннаго богопочтенія, сказавъ: *Духъ есть Богъ, и уже кланяется Ему, духомъ и истинною достоинствъ кланяться*. Вѣроисповѣданіе Евы, боговеличаніе Маріи, откровеніе о Богѣ самарянкѣ суть непререкаемыя свидѣтельства человѣчности, высокаго достоинства и близости къ Богу женскаго пола. Женщина есть живой образъ и живое подобіе Бога. Ей наравнѣ съ нами даются дары благодати. Она, какъ и мы, способна проявлять духовные плоды: любовь, радость, миръ, долготерпѣніе, вѣру, кротость, милосердіе, воздержаніе. Моисей, Исаія, Іеремія и прочіе пророки, по вдохновенію свыше, предсказывали будущее: а Девора и Анна мать Самуила, по тому же вдохновенію, изрѣкали вѣщанія сердца, уповающаго на Бога и обрадованнаго чудесами и милостями Его. Соломонія мать Маккавеевъ, Варвара, Екатерина, Александра и прочія мученицы умирали за вѣру съ тою же дивною твердостію духа, съ какою принимали мученическіе вѣнцы Іоаннъ Предтеча, архидіакошъ Стефанъ, Георгій, Димитрій и прочіе страстотерпцы. Не одинъ Іоакимъ былъ праведенъ:

праведна была и супруга его Анна. Въ святцахъ и въ книгахъ жизни вѣчной написаны имена преподобныхъ и святыхъ мужей и вмѣстѣ женъ. Супруга богатаго египтянина Амона, проживъ съ нимъ осмынадцать лѣтъ, какъ сестра съ братомъ, по доброй волѣ своей отпустила его въ нитрійскую пустыню, гдѣ онъ первый спасался, а сама въ своемъ домѣ учредила общину благочестивыхъ дѣвицъ. Ея цѣломудріе послужило началомъ святаго подвижничества нитрійскихъ отшельниковъ. — Многія жены были орудіями провидѣнія Божія при распространѣніи вѣры христіанской. Мученицы первыя возвѣстили апостоламъ воскресеніе Христа. Святія дѣвы и жены, Оекла, Нина, Елена мать царя Константина, причислены къ лику апостоловъ. Фотина самарянка и пять сестеръ ея обратили ко Христу дочь императора Нерона, Домвинну, и сто рабынь ея. Сарацынская княгиня Муавія, при заключеніи мира съ римлянами, испросила у нихъ епископа преподобнаго Моусея, и съ помощію его крестила многихъ единоплеменниковъ своихъ на предѣлахъ Палестины и Синая ¹⁾. Св. Меланія (старшая) въ Римѣ обратила въ христіанство супруга племянницы своей Авиты, Анпроніана Свѣтлѣйшаго, и невѣстку свою Альбину, супругу своего сына. Преподобная Меланія (младшая) обратила ко Христу (439 года) дядю своего Волузіана, умнѣйшаго и знаменитѣйшаго мужа, котораго не могъ отклонить отъ язычества ученый Августинъ. Клотильда склонила французскаго короля Кловиса къ вѣрѣ во Христа. Крещеніе чеховъ началось съ царицы ихъ Домбровки. Наша

¹⁾ Она, по смерти своего мужа, объявила войну римлянамъ въ царствованіе Валента, и продолжала ее съ такимъ усиліемъ, что римскіе полководцы принуждены были просить у нея мира (378 года). Она согласилась на то, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы уважаемый ею пустынный Моусей, родомъ сарацынъ, былъ посвященъ въ епископа въ Александрію. Воля ея была исполнена. — *Vies des pères des deserts d'Orient. Tom IV, pag. 389. Paris 1824. Socrat. Hist. eccl. lib. IV. c. 36.*

Русь имѣла свою равноапостольную Елену—христолюбивую Ольгу. Въ Китаѣ Кандида, внучка знатнаго мандарина Сіу и ученица іезуита Матѳея Рі́кчи, обратила ко Христу мужа своего, и построила тридцать церквей въ родной области. На Ливанѣ послѣдній полузависимый отъ Турціи правитель, лишенный власти англичанами въ 1840 году, эмиръ Беширъ, изъ магометанскаго владѣтельнаго дома Шайбъ, обращенъ былъ въ христіанство супругою его. Любя эмира всѣмъ сердцемъ и опасаясь, какъ бы другія жены не овладѣли имъ, она приняла римское вѣроисповѣданіе, и его склонила къ тому же. Беширъ крестился со всѣми дѣтьми и домочадцами своими, и былъ вѣрнымъ супругомъ благочестивой и многоблжененной княгини.—Въ сонмѣ христіанскихъ дѣвъ и женъ многія были любомудренны. Въ Александріи Упатія преподавала философію Платона и въ числѣ слушателей своихъ видѣла епископовъ. Въ Палестинѣ царица Евдоксія, супруга Θεодосія II, перевела *стихами* восемь первыхъ книгъ св. Писанія, пророчества Захаріи и Даниила, и написала житіе св. Кипріана и св. Іустинъ (Phot. с. 173). Въ Римѣ благородная Проба Фалконія, которую хвалили Іеронимъ и Августинъ и благодарилъ Іоаннъ Златоустый, написала книгу о предметахъ божественныхъ. Въ Греціи монахиня Кассія сочинила канонъ на великую субботу, а царица Анна Комнина начертала исторію самодержавнаго родителя своего Алексія. Въ Испаніи Изабелла де-Розера проповѣдывала въ барселонской церкви и обращала евреевъ въ христіанство, а Изабелла де-Кордова имѣла степень доктора богословія, Алоизія же Толедская писала сочиненія на языкахъ латинскомъ, еврейскомъ, арабскомъ и сирійскомъ. Въ Италіи Аргелата и Тротула славились знаніемъ медицины, первая въ болонскомъ университетѣ, вторая въ Салернѣ. Въ Китаѣ Кандида перевела на родной языкъ свой сто тридцать духовныхъ сочиненій христіанскихъ

писателей.—Женщины возвышались до полета выпренныхъ умовъ. А добродѣтели ихъ остались въ памяти всѣхъ поколѣній. И я помню ихъ. Но въ настоящія минуты въ душѣ моей возникаютъ лишь нѣкоторые дивные образы женственныхъ. Я вижу христіанскихъ женъ и дѣвицъ древняго Рима рѣшившихся исполнить насмѣшливый указъ кесаря Деція, повелѣвавшій имъ ходить вездѣ съ открытымъ лицомъ. Онѣ открылись... но для одного Христа! Вижу тѣхъ двухъ женъ, кои признавались св. Магарію египетскому, что онѣ, будучи не родныя, пятнадцать лѣтъ жили въ одномъ домѣ съ своими мужьями, и не сказали одна другой ни одного непристойнаго слова, никогда не спорили, и постоянно были единодушны и мирны. Какіе свѣтлые образцы христіанской любви, кротости и благопристойности! Вижу египетскую монахиню Сарру, которая была такъ смиренна, что при первой мысли объ уваженіи къ ней многихъ братій и сестеръ уметвенно начинала ходить отъ дома до дома и всѣмъ исповѣдывать грѣхи свои. Такимъ смиреніемъ искуплено довѣріе къ змію, говорившему женѣ: *ты будешь богиня*. Вижу венгерскую царицу Елисавету, невинно выпившую *воду* того прокаженнаго, которому она усердно служила, дабы доказать ему, что онъ не отчужденъ отъ общества людей. Зѣмная ли эта любовь, къ обижному Вижу въ сирійскомъ городѣ Алеппѣ православную христіанку, жену Іоанна Ильаса, и малолѣтнюю дочь ея, кои вмѣшивались въ толпу женщинъ, ходившихъ смотрѣть на заключеннаго уніатами въ церковномъ дворѣ митрополита своего Софронія (1749 г.) и обреченнаго ими голодной смерти, и украдкою изъ паузъ своихъ бросали ему чрезъ оконце хлѣбъ, смоченный водою. Ихъ училъ тотъ, Кто называлъ себя *хлѣбомъ, спешащимъ съ неба....* Въ людяхъ есть любовь, даже страсть ко всему божественному. Она обнаруживается, между прочимъ, въ построеніи великолѣпнѣйшихъ храмовъ Богу и въ укра-

шеніи ихъ всѣмъ, что только есть драгоцѣннаго на землѣ и въ нѣдрахъ ея. Эту страсть имѣютъ и женщины. Въ синайской пустынѣ онѣ усердно жертвовали золотыя и серебряныя вещи свои на сооруженіе и украшеніе скинии свѣдѣтельства. Въ Іерусалимѣ онѣ благоговѣнно украшали и украшаютъ всѣми драгоцѣнностями ясли Христа, Голгоу, и живоносный гробъ Его. А въ нерукотворенныхъ храмахъ, въ душахъ нащихъ, матери первыя возжигаютъ свѣтильникъ вѣры; и онѣ же умѣютъ внушить намъ страхъ Божій, приучить насъ къ молитвѣ, къ цѣломудрію и приличію, къ справедливости и чести, развить въ насъ любовь къ ближнимъ, уваженіе къ старшимъ, милосердіе къ нищимъ, состраданіе къ несчастнымъ, и укоренить въ сердцахъ нашихъ благоговѣніе къ духовенству, любовь къ отечеству, послушаніе власти. Высоко достоинство женщины! Благотворны дѣйствія ея въ домѣ, въ городѣ и въ церкви! Какой же почетъ и какія права приличны ей? На этотъ вопросъ пусть отвѣчаютъ законодатель, судія, воинъ, писатель, купецъ, ремесленникъ, земледѣлецъ, словомъ—всякій, положивъ руку на сердце, образовавшееся подлѣ сердца его матери.

Когда настало время отъѣзда изъ Биръ-Самса, я раз-
~~вернулъ карту и взглянулъ на нее, раскрывъ, что тамъ не~~
 правились чрезъ даматскій рукавъ Нила, а не чрезъ розет-
 скій, и ѣдемъ въ городъ Даміатту, а не въ обители нитрій-
 скія. Во мнѣ возникло огорченіе, да такое, что съ языка
 сорвалось нѣсколько упрековъ Ибрагиму, какъ плохому про-
 воднику. Онъ кротко извинился въ ошибкѣ своей. Кротость
 его вразумила меня; и я внутренно пристыдился себя за
 вспыльчивость, вспомнивъ, какъ въ подобномъ случаѣ посту-
 пилъ нитрійскій пустыножитель Іоаннъ Колову, т. е. мало-
 рослый. Однажды ночью онъ съ нѣсколькими пустынниками
 отправился куда-то не близко. Одинъ изъ нихъ, вызвавшийся

проводить его, сбился съ дороги, и утомилъ бы собратіи, если бы они продолжали блуждать по безграничной пустынѣ. Спутники осторожно открыли Іоанну опасность. Но онъ сказалъ имъ: «не подавайте и вида проводнику, что вы замѣтили ошибку его, дабы онъ не смутился и не опечалился: только скажите ему, что мы намѣрены провести остатокъ ночи на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находимся». Сказано и сдѣлано. Утромъ они отправились отсюда и попали на свою дорогу. А проводникъ ихъ и не догадался, что ошибка его была замѣчена. Вотъ какъ *любовь не раздражается, а терпитъ все*, но любовь благодатная, которую апостоль Павелъ называлъ плодомъ духовнымъ.

Въ два часа по полудня мы отправились изъ Биръ-Самса и поѣхали поперекъ нильской дельты въ самоеъ верховьѣ ея, прямо на западъ. Мѣстный арабъ велъ насъ по черноземной равнинѣ къ селенію Гресъ. Эта равнина, послѣ жатвы, вся растрескалась отъ жара. Вдали отъ насъ направо мелькали финиковыя рощи и среди ихъ деревни. На поверхности земли видна была зыбь свѣтлаго марева. Солнце, склоняясь къ западу, палило насъ, какъ жаркое пламя. Я изнемогъ, и едва-едва доѣхалъ до Греса. Минула первая четверть седьмого часа, когда подѣлъ лѣвой деревни къ крутому берегу Нила арабы поставили мою палатку подъ высокимъ сикоморомъ. Подулъ крѣпкій сѣверный вѣтеръ. Ниль взволновался. Я уснулъ.

3. Воскресенье.

Утромъ въ Гресѣ былъ торгъ. Арабы продавали и покупали глиняные горшки и кувшины. Въ пестрой толпѣ ихъ видны были женихи.

Въ пять часовъ подали перевозъ. Когда я спустился къ берегу Нила, ко мнѣ подошла коптянка съ груднымъ младен-

цемъ, и кланяясь просила меня оказать ей милость—переправить на другую сторону рѣки. «Любое мѣсто занимай на баркѣ», сказалъ я ей радушно, и тайно возблагодарилъ Бога, сподобившаго меня начать воскресный день добрымъ дѣломъ, хотя и малымъ.

Противоположный Гресу берегъ Нила—низокъ. Высокая барка наша не подошла къ самому рубежу его. Посему арабы перенесли меня туда на своихъ плечахъ, а верблюдовъ потолкали въ воду. Одинъ изъ нихъ упалъ бокомъ и повредилъ свою лядвею.—Простой народъ, безъ попеченія о немъ правительства, вездѣ не думаетъ объ удобствахъ своей жизни. Кажется, нужды и потери должны бы научить его улучшать напр. пути сообщеній; но въ немъ нѣтъ потребнаго къ тому единства смысла и воли. Благополученъ онъ, когда правительство заботится о нуждахъ его; наоборотъ—несчастенъ, когда у него слаба эта, объединяющая все, разумная сила.

Рейсъ, т. е. хозяинъ барки, проводилъ поѣздъ мой мимо прибрежнаго селенія, Уарданъ, до деревни Дрисъ, отстоящей отъ него верстъ на пять. Тутъ я засталъ игумена макарьевского монастыря, о. Михаила. Онъ присматривалъ за уборкою хлѣба, недавно скатаго съ нанимаемыхъ имъ тутъ нивъ. Благообразное лице его весьма похоже на обликъ поверженной на землю статуи Фараона Сезостриса, которую я видѣлъ въ финиковой рощѣ на мѣстѣ Мемфиса. Тѣ же большіе, миндальнообразные и пріятельные глаза, тотъ же длинный и правильный носъ съ легкою выпуклостію переносыя, тѣ же полныя губы, миловидно сложенные и нѣжно ступенчатые у самой середины лукообразнаго рта, то же лицезобразное лице съ соразмѣрнымъ подбородкомъ, тотъ же высокій и гибкій станъ представляли мнѣ въ этомъ молодомъ игуменѣ живой отпечатокъ древняго благообразнаго рода египтянъ. Я

любовался осанкою его, которой придавалось пріятнѣйшее выраженіе смиренностію его, добротою, степенностію, смиреніемъ и тѣмъ цѣломудріемъ, какое удерживается въ лучшихъ священникахъ по причиѣ всегдашней близости ихъ къ Богу. Узнавъ мое желаніе побывать въ нитрійскихъ монастыряхъ, онъ тотчасъ озаботился присканіемъ надежныхъ проводниковъ и приготовленіемъ намъ съѣстныхъ припасовъ. А приготовляли ихъ копты. Въ Дрисѣ ихъ мало, только пятнадцать семействъ.

Пока о. Михайлъ хлопоталъ, я, отдыхая въ палаткѣ, перелистывалъ житія пустынныхъ отцовъ ¹⁾, желая знать: кто и кто путешествовалъ въ нитрійскую пустыню. Память моя обогащалась поучительными свѣдѣніями.

40 минутъ 11 часа. Когда приготовлено было все нужное намъ въ пути по безлюдной пустынѣ, я простился съ игроменомъ и пошелъ позади поѣзда своего, который проводники повели къ буйной деревнѣ, Бѣни-Саламе, гдѣ надлежало взять новыхъ охранителей. Надежда на Бога, безъ воли котораго не падаетъ и волосъ съ головы нашей, поддерживала меня несмѣлаго. Это внутреннее чувство равносильно крѣпительному лѣкарству. Будь одно оно въ путникѣ,—съ нимъ онъ бодренно пройдетъ и тѣ мѣста, гдѣ пресмыкаются лишь ядовитые змѣи. Минула часть въ пути. Поѣздъ мой остановился на краю сказанной деревни. Она расположена на крутояромъ песчаномъ холмѣ у заводи Нила. Нѣтъ въ ней ни одной финиковой пальмы и никакой зелени. Мѣстность ея наводитъ на душу тоску. Молва о буйствѣ жителей ея оправдалась. Они не Бени-Саламе, т. е. не сыны мира, а исчадія коварства и вражды. Ихъ шейхъ не давалъ мнѣ проводниковъ и припуждалъ меня почевать въ деревнѣ, отговариваясь отсутствіемъ

¹⁾ *Vies des pères des déserts d' Orient. Par. Marin. Paris. 1621.*

людей и нестерпимымъ зноемъ въ дустынѣ. Напрасно я упрашивалъ его, обѣщая подарокъ; напрасно переводчикъ мой показывалъ ему буюрулди каирскаго папп. Онъ плюнулъ на этотъ приказъ и пошелъ домой. Миѣ не хотѣлось ни ночевать въ жилищѣ варваровъ, ни возвращаться въ Дристь; и я поручилъ Ибрагиму устранить затрудненіе, во что бы то ни стало. Онъ поговорилъ шейху о золотѣ; и за золото вдругъ явились проводники, готовые терять и жаръ и холодъ и всякую непогоду, и самъ шейхъ сталъ учтивъ, любезенъ и готовъ на всѣ услуги. Когда я изъявилъ ему свое удовольствіе за сговорчивость его, онъ улыбувшись сказалъ миѣ: «у васъ есть два приказа; одинъ написанъ на бумагѣ, а другой на золотѣ; того и въ рукахъ держать мы не умѣемъ, а этотъ какъ ни повернемъ, безъ всякой ошибки прочтасмъ, во сколько цѣнятся труды наши».

Въ полдень пять бедуиновъ съ тремя ружьями безъ кремней и фитилей, полунагіе, сухорослые, босые, пошли впередъ. Мы поѣхали за ними. Наши ослы и верблюды вязли въ глубокомъ пескѣ близъ бенисаламскаго холма. За этою зыбучею мѣстностію скоро открылась безграничная, песчаная пустыня ливійская. Въ началѣ она постепенно, потомъ едва примѣтно, возвышается надъ уровнемъ при-нильскаго поля, а наконецъ разстилается, какъ немного взволнованная равнина. Вся поверхность ея усѣяна разноцвѣтными камешками. Отъ того идти по ней не трудно. Ноги не вязнутъ въ крупномъ и плотно сжатомъ пескѣ. Но тутъ нѣтъ ничего отраднаго для зрѣнія: не видать ни травы, ни деревъ, ни бустарниковъ, ни птицъ, ни звѣрей, ни гадовъ, ни насѣкомыхъ; лишь боегдѣ въ малыхъ ложбинахъ торчатъ изсохшія былія и кочки. Значить, дождь иногда орошаетъ эту вѣчно-жаждущую пустыню. Поднебіе ея—какъ бы оловяное. А небосклонъ, не обозначаемый ни холмами, ни буграми, передвигается незамѣтно.

Отъ того пустыня кажется безбрежнымъ моремъ песчанымъ; и вѣроятно, она нѣкогда была дномъ океана. Тутъ ощутительно движеніе времени, но незамѣтна убыль пространства. Тутъ чувствуешь себя иначе, нежели въ нильской долині. Тамъ душа развлекается разнообразіемъ видовъ и живетъ какъ бы чужою жизнью; а здѣсь сосредоточивается въ себѣ самой и видитъ только свои мысли,—однѣ, какъ яркіе лучи, другія какъ зіяющія молніи и зарницы, пылы, какъ падающую росу, нѣкоторыя, какъ льющіяся слезы.

День былъ знойный. Чѣмъ далѣе подвигались мы въ глубь пустыни, тѣмъ болѣе томились отъ жажды по причинѣ крайней сухости воздуха. Я часто пилъ воду, благодаря Творца, подавшаго намъ сіе живительное благо. Не помню, въ какой степени тепло было во мнѣ чувство благодаренія Ему за это благо у Невы и Дуная, у Волги и Оронта, у Іордана и Нила; но въ нитрійской пустынѣ оно было пламенно. Вода тутъ ничѣмъ не замѣнима. Напротивъ, она, носимая всюду, замѣняетъ путнику и освѣжающій вѣтерокъ и прохладную тѣнь, коихъ нельзя водить за собою.

Въ три часа по полудни, я пѣшкомъ пошелъ за поѣздомъ своимъ и, подзываетъ къ себѣ Ивана, велѣлъ ему нести малый мѣхъ съ нильскою водою. Онъ прицѣпилъ его къ пальцѣ и перевѣсилъ за плечо.

Идемъ и разговариваемъ.

— Какая страшная пустыня! сказалъ Иванъ. Несравненно хуже іорданской! Тамъ у Мертваго моря есть трава, цвѣты и дерева. А здѣсь одинъ песокъ. Не отсюда ли дорога въ адъ?

— Нѣтъ, Иванъ. Дорога туда лежитъ прямо изъ питейнаго, или позорнаго дома, отъ картежнаго стола, и оттуда, гдѣ буйнымъ дѣлаетъ человѣка гордость, или ненависть, или кровавое мщеніе, или уныніе и отчаяніе, или Іудино преда-

тельство. А здѣшнимъ путемъ многіе грѣшники уходили изъ міра, дабы тамъ, въ дальней пустынѣ, жить для одного Бога.

— Какъ называется эта пустыня?

— Нитрійская, потому что въ ней прежде добывали и теперь добываютъ нитръ, по нашему—нашатырь. Мы увидимъ мѣсто зарожденія его.

— Какіе святые тамъ жили?

— Ихъ было очень много. Знаменитые же изъ нихъ были: два Макарія, Памва, Моисей Муринъ, Арсеній, Пименъ.

— Когда они жили?

— Спусти 300, 400 и 500 лѣтъ послѣ рождества Христова.

— Ужели и теперь находятся тамъ монастыри?

— До сихъ поръ уцѣлѣли четыре. Въ нихъ живутъ коптскіе монахи.

— Вы видѣли этихъ монаховъ въ верхнемъ Египтѣ. Зачѣмъ же поѣхали сюда, въ такую пустошь, гдѣ съ голоду умереть и смерть?

— Есть сердечная потребность къ тому. Я желаю узнать въ пустынѣ: какія души далеки отъ царствія Божія, какія близки къ нему, какія праведны, преподобны и богоносны, какія строги къ себѣ самимъ, и какія слабы, какія ни теплы, ни холодны; какимъ искушеніямъ онѣ подвергаются, и какъ избѣгать ихъ. Кромѣ этого, я желаю знать, какъ житія святыхъ поясняютъ св. Писаніе.

— Да развѣ это не написано въ книгахъ? возразилъ Иванъ.

— Написано, да разбросано. Я еще не видалъ такой книги, въ которой бы все это изложено было вполнѣ.

— Не можете вы описать все это дома?

— Всему есть свое время и свое мѣсто. Дома много хлопотъ по службѣ и много срочныхъ занятій въ другомъ родѣ. А во время путешествія только и дѣла, что думать о спасеніи души.

— Вы одни любите пустыни.

— Ихъ любятъ и другіе.

— Ужели кто нибудь кромѣ васъ ѣздилъ сюда?

— Изъ русскихъ ты первый идешь здѣсь подлѣ меня. А прежде насъ многіе предпринимали сюда путешествіе изъ самыхъ дальнихъ странъ. Налей мнѣ воды въ стаканчикъ; я промочу горло и расскажу тебѣ, кто и кто бывалъ здѣсь.

Ранѣе 325 года по Р. Х.

Напротивъ возвышенности, по которой мы идемъ и сойдемъ къ нашатырному озеру, находится нитрійская гора. Тамъ ранѣе 325 года по рождествѣ Христовомъ поселился подвижникъ Амонъ. Къ нему собралось много учениковъ. Когда молва о подвигахъ и чудесахъ его достигла до святаго Антонія великаго; тогда этотъ богоугодный старецъ пожелалъ видѣть его и ходилъ къ нему изъ той пустыни, которую я указывать тебѣ съ синайской горы. Амонъ, встрѣтивъ его, сказалъ ему: «послѣку молитвами твоими увеличилось число братій моихъ, и нѣкоторые изъ нихъ желаютъ построить кельи вдали (отъ обители моей), дабы жить въ нихъ безмолвно; то въ какомъ разстояніи отсюда прикажешь ставить ихъ»? Святый гость отвѣчалъ ему: «пообѣдаемъ въ девятомъ часу (въ 3-мъ по полудни) и потомъ походимъ по пустынѣ и приищемъ приличнаго мѣста». Послѣ обѣда они отправились и ходили по пустынѣ до заката солнца. Когда оно скрылось, оба старца остановились, и св. Антоній сказалъ Амону: «помолимся на этомъ мѣстѣ и поставимъ крестъ; здѣсь быть кельямъ». А мѣсто это отстояло отъ Амонова монастыря верстъ пѣ 7 (*σχιμια δεκαδύο*). Св. Антоній признавалъ такое разстояніе ни большимъ, ни малымъ, дабы кельіоты и монастырскіе братья могли посѣщать другъ друга послѣ обѣда, когда пожелаютъ того. (*Ecclesiæ Græcæ monumenta t. I. Cotelerii. 1677. Lutetiae*).

— Благоразумно распоряженіе его—сказалъ Иванъ.

— И очель благоразумно! Разстояніе келій и церквей опредѣлено старческими силами. Докуда можетъ дойти старикъ безъ утомленія, тамъ быть церкви и жилищу.

— Да такое разстояніе по силамъ и дѣтямъ!

— Справедливо. Вѣдь и дѣти, какъ голуби, любятъ церковь; такъ и для нихъ надобно строить ее не далеко оттуда, гдѣ живутъ ихъ отцы и матери. Однако рѣчь моя впередъ. Не перебивай меня.

367—390 год.

Въ одно время съ Амопомъ въ нитрійской пустынѣ спасался авва Памва. О великихъ достоинствахъ и духовныхъ подвигахъ его слышалась знатная и богатая госпожа въ Римѣ, по имени Меланія (старшая), и когда пріѣхала въ Александрію, упросила мѣстнаго священника Исихора проводить ее въ ту пустыню, дабы видѣть тамъ Памву и поручить себя молитвамъ его. Она застала его за работою. Авва плелъ корзину, Меланія предложила ему разные серебряные сосуды и просила его раздѣлить съ нею богатство, которое далъ ей Богъ. Святый отшельникъ, не сводя глазъ съ своей работы,

отвѣчалъ ей: «Богъ да вознаградитъ тебя» и, обратившись въ ученику своему Оригену, сказалъ ему: поди и раздай это серебро бѣднѣйшимъ монастырямъ въ Ливіи. Между тѣмъ Меланія стояла предъ Памвою, ожидая благословенія его и благодарности за такое богатое приношеніе. Но отшельникъ молчалъ. Тогда она не утерпѣла и сказала ему: «отецъ мой! Я не должна скрыть отъ тебя, что въ этихъ сосудахъ триста фунтовъ серебра». Но Памва, не посмотрѣвъ ни на нее, ни на коровъ, въ которомъ лежало серебро, отвѣчалъ ей: «дочь моя! Тотъ, Кому ты отдала эту драгоценность, не нуждается въ томъ, чтобы ты сказала Ему, сколько въ ней вѣсу, потому

что самъ Онъ, взвѣшивая горы и холмы на своихъ божественныхъ вѣсахъ, не можетъ не знать вѣса серебра твоего. Если бы ты подарила его мнѣ, то имѣла бы право объявить тяжесть его; но такъ какъ ты припосинь его Богу, Который не презрѣлъ двухъ лентъ бѣдной вдовицы и даже предпочелъ ихъ вкладамъ богачей, то бесполезно и объявлять это». — Меланія возблагодарила Бога за то, что Онъ указалъ ей такого мудраго старца.

— Славное наставленіе далъ онъ этой госпожѣ! сказалъ Иванъ.

— И за триста фунтовъ серебра заплатить ей исцѣленіемъ души ея отъ тищеславія.

374 год.

Близъ питрійской горы, по благословенію св. Антонія, настроены были малыя кельи отдѣльно и недалеко одна отъ другой. Туда ѣздилъ знатный римлянинъ и историкъ Руфинъ. Онъ видѣлъ тамъ св. Макарія александрійскаго, бесѣдовалъ съ нимъ, и написалъ много назидательныхъ сказаній о немъ. Но изъ многого я повѣдаю тебѣ вѣчто. — Одинъ слѣпецъ пожелалъ, чтобы отвели его къ этому Макарію. Съ большимъ трудомъ онъ пришелъ къ кельямъ, и не засталъ тамъ желаннаго. Горько ему было слышать, что праведника нѣтъ дома. Онъ занялся горючими слезами, но укрѣпившись вѣрою, упросилъ вожаковъ своихъ положить его у стѣны, подлѣ которой спалъ Макарій. Его положили тутъ. Слепецъ отколупалъ отъ нея немножко глины, смочилъ ее водою и приложилъ къ глазамъ своимъ, потомъ промылъ ихъ тою же водою, — прозрѣлъ и возвратился въ домъ свой, славя Бога. Благодарность побудила его въ другой разъ сходить къ св. Макарію уже со всѣмъ семействомъ, къ которому онъ принадлежалъ. Богъ сподобилъ его увидѣть сего чудотворца. (Rufin. Hist. Eccl. L. 11, с. 4).

— 211 —

386 год.

Слава о подвигахъ и чудесахъ нитрійскихъ пустынниковъ воспламенила въ знатной госпожѣ, Павлѣ, желаніе видѣть ихъ. Она отправилась изъ Рима и посѣтила многихъ изъ нихъ, и между ними Макарія, Арсенія, Серапіона и великаго Арсеса, который не лишалъ св. Таинъ молодыхъ людей, когда они впадали въ какой-либо тяжкій, но не смертный, грѣхъ, а старыхъ лишалъ. Ибо онъ думалъ и говорилъ, что молодые, лишаемые причастія, привыкаютъ жить безъ этой душевной пищи, а старымъ бываетъ тяжело и страшно, когда не допускаютъ ихъ вкусить источника безсмертнаго (Pbid. t. 11, p. 141).

— Знать старики, въ тѣ поры, имѣли великую вѣру и страхъ Божій, когда причащались часто.

— И въ наше время найдется много такихъ вѣрующихъ и боящихся Бога. Духъ Святый вездѣ и всегда есть, и всѣхъ исполняетъ.

— А кто грѣшитъ тяжко?

— Тотъ, кто обижаетъ ближняго словомъ, или дѣломъ, лжетъ, клеветаетъ на другихъ, воруетъ, соблазняетъ невинныхъ и проч.

— Какіе грѣхи смертные?

— Гордость, ненависть, чревоубыіе (т. е. обжорство и пьянство), блудъ, убійство, уныніе, отчаяніе, приводящее къ самоубійству, и наконецъ богохульство.

— Расскажите, кто еще пріѣзжалъ въ здѣшнюю пустыню?

Между 385 и 412 год.

Неоднократно пріѣзжалъ александрійскій патріархъ Теофилъ: сперва—по надобности греческаго царя Θεодосіа великаго. Этотъ царь предъ войною съ сильными врагами, угрожавшими всей западной имперіи его, уповаъ на помощь Бо-

жю, просилъ сего патріарха прислать къ нему въ Царьградъ, какъ можно скорѣе, скитскаго пустынника Сенульфу, который прославился святостію своей жизни и даромъ чудотвореній. Теофилъ немедленно отправился въ Скитъ, который находился недалеко отъ Александріи, и объявивъ аввѣ волю государя, внушалъ ему, какъ необходимо поспѣшить исполненіемъ ея, тогда какъ имперія находится въ опасности, и участь ея зависитъ отъ него. Благочестивый пустынникъ въ чувствѣ глубочайшаго смиренія сказалъ патріарху, что онъ не достоинъ получить отъ Бога то, чего надѣется отъ него императоръ. Ософилъ настоятельно упрашивалъ его ѣхать въ Царьградъ. Авва, не зная, какъ уклониться отъ настойчивости его, попросилъ святителя подождать немного, и обратившись къ востоку, повѣсилъ клобукъ свой на посохъ, поднялъ его вверхъ и началъ молиться: «Господи Боже мой, Боже силъ, даруй сему одѣянію и сему жезлу силу сдѣлать то, чего ожидаютъ отъ меня!» Потомъ онъ сказалъ Ософилу: «пошли это пагубіе и этотъ посохъ къ императору, и напиши ему, чтобы онъ на брани противъ враговъ надѣлъ на свою голову первое и держалъ бы въ рукѣ второй, и чтобы такимъ образомъ шелъ впереди своего воинства. Я уповаю, что Господь поможетъ ему одолѣть варваровъ безъ пролитія крови». Царь Θεодосій поступилъ такъ, какъ заповѣдалъ Сенульфъ, и разсѣялъ враговъ. Въ память побѣды его въ Александріи воздвигнута была статуя его въ монашескомъ клобукѣ съ посохомъ.—(Ibidem t. III, p. 293. Бароній № 53-й годъ 388-й).

Въ другой разъ Теофилъ ѣздилъ въ Скитъ по желанію своему. Когда скитники узнали о приближеніи его, собрались все вмѣстѣ, чтобы принять его достойнымъ образомъ. Между ними находился и Памва, тотъ самый, который не посматрѣлъ на серебро Меланія. Собратія просили его сказать патріарху что нибудь въ назиданіе. (Знать, патріархъ любилъ слушать

святыхъ старцевъ). Но Памва отвѣчалъ имъ: «если молчаніе мое не назидаетъ его, то рѣчи мои бесполезны». Патріархъ побывавъ у скитниковъ, помолвися съ ними и уѣхалъ въ Александрію, получивъ великое назиданіе отъ богоугоднаго житія ихъ (Coteler. t. 1, p. 463).

— Почему Памва не хотѣлъ сказать что нибудь патріарху? спросилъ Иванъ.

— Потому что меньшій отъ большаго благословляется, а не большій отъ меньшаго. Понимаешь? Смиранный Памва уважалъ высокій санъ патріаршій, да и зналъ, что для Теофила назидательнѣе богоубѣдительныя молитвы и святое житіе старцевъ, чѣмъ слова ихъ, и потому молчалъ.

Этотъ архіепископъ ѣздилъ и на нитрійскую гору, до которой намъ уже не такъ далеко. Тамашній главный авва встрѣтилъ его благоговѣнно. Владыка спросилъ этого пустычника: «отче, что лучшее намъ ты здѣсь на поприщѣ своемъ»? Старецъ отвѣчалъ ему: «непрестанное обвиненіе и порицаніе себя самого». Тогда Теофілъ сказалъ: «прямымъ путемъ идешь ты къ Богу» (Coteler. t. 1, p. 462).

Одинъ военный сановникъ и нѣсколько другихъ особъ упросили этого архіепископа съѣздить вмѣстѣ съ ними въ Скитъ къ св. Арсенію, который сперва былъ воспитателемъ и наставникомъ двухъ сыновъ благовѣрнаго царя Осодосія, потомъ ушелъ изъ Константинополя въ нитрійскій Скитъ, и не желалъ видѣть людей, дабы они не отвлекали его отъ покаянія и молитвы. Прибывъ къ нему, Теофілъ просилъ его сказать что-либо въ назиданіе. Арсеній помолчалъ нѣсколько минутъ, а потомъ проговорилъ: «если я скажу вамъ что либо, то исполните вы это»? Всѣ отвѣчали: «готовы исполнить». Тогда онъ сказалъ: «итакъ, когда вы узнаете мѣстопробываніе Арсенія, не ходите туда въ другой разъ».

Послѣ сего Теофилъ не осмѣливался беспокоить его уединеніемъ. Но такъ какъ одишъ взглядъ на сего угодни Божіа пазыдалъ его много; то онъ рѣшился еще разъ помѣстить его, однако предварительно послалъ челоуѣка узнать приметъ ли онъ его. Арсеній, уважалъ самъ архіерейскій, селалъ посланному, что онъ приметъ патріарха, но послѣ будо обязанъ принимать уже и другихъ; а частыя постоженія прудать его повишуть мѣсто убѣжища его, и вселать друга безвѣстнаго, гдѣ никто не разскажалъ бы его. Когда посланый передалъ Теофилу эти слова, тогда сей патріархъ рѣшилъ лучше не являть снатуго отшельника, чѣмъ лншать его пелн въ которой онъ лнлъ песь въ Богѣ (Ibid. t. III, p. 243).

— Я не понимаю, сказалъ Ивалъ, почему Арсеній убѣгалъ отъ людей, которыхъ могъ онъ пазыдать словомъ и примѣромъ своимъ. Не нарушалъ ли онъ заповѣдь о любви къ ближнимъ?

— Не нарушалъ. Нбо онъ отслужилъ подвигъ въ міру. А к отслужилъ ему танъ, тому уже позволительно не видѣть я: на службѣ Богу. Притомъ на этой службѣ праведники непр-станно видѣть души собратіи своихъ предъ лицемъ От- небснаго и молнтся о спасеніи ихъ. Что же лучше?—видѣ- ли бывшаго лишемъ въ яму и связать ему въсколькы сло- кон забываются, или видѣть его въ Богѣ, и молнтвою пазы- дуть на него благословеніе Божіе?

Ивалъ. Последнее лучше.

— Умю ты отвѣчаешь, Ивалъ. Но налей мнѣ воды въ ст- канчикъ. Здѣсь болно жарко. Вся пустыня раскаляется, промочу горло, и разскажу тебѣ, кто и кто еще путешес- твалъ въ ннтрѣйскую пустыню.

Раздѣ 390 г.

Тамъ въ Свѣту спасался Авра Мовсей Муришъ. О си- тости и благодатной силѣ поученій его слышались обла- с- тн.

ный правитель и пожелалъ видѣть его. Кто-то преувѣдомилъ
всего ааву о прїѣздѣ именитаго сановника; и онъ въ ту же
минуту вышелъ изъ своей кельи и побѣжалъ къ озеру марі-
инскому, чтобы укрыться тамъ отъ нежданнаго гостя, но на
дорогѣ встрѣтился съ нимъ. Правитель, не зная его, обра-
тился къ нему съ вопросомъ: гдѣ стоитъ келья днны Моусея?
Пустышникъ отвѣчалъ ему: «хота бытъ искать его! Видѣ онъ
похуумный, да и вретель». Такой отвѣтъ удивилъ сановника.
Однако онъ пошелъ въ скитскую церковь и переспрашалъ бра-
тїяхъ невыгодный отзывъ встрѣчнаго ошельника о Моусеѣ.
Эти огорчились тѣмъ, что кто-то обнесъ ааву, котораго
мудрость и святость всеѣхъ впускали величайшее уваженіе,
однако спросили правителя: да каковы же люди тотъ, кто ото-
звался вамъ такъ худо объ этомъ аавѣ? «Это—черный, какъ
уголь, старикъ высокаго роста въ ветхомъ рубашѣ», отвѣ-
чалъ правитель. По этимъ признакамъ они догадались, что
то былъ аавъ Моусей Муринъ, и сказали ему: да такъ гово-
рилъ вамъ тотъ самый, котораго вы ищете, потому что хотѣлъ
уклониться отъ посѣщенія вашего. Правитель возвратился
въ домъ свой, наутенный смиреніемъ его, молщепріятіемъ и
приверженностію къ одному Богу (Пѣснь. т. III, в. 48.
Киѣнї верба Seniorum: § 118).

— Почему одни пустышники принимали посѣтителей, а дру-
гіе убѣжали отъ нихъ? спросилъ Нванъ.

— Но дѣйствию одной в той же благодати Божіей, которая
однимъ подманивала даяти много любви для привлеченія
грѣшниковъ къ Богу словомъ и примѣромъ, а другимъ сооб-
щала много крѣпости для отлеченія христіанъ отъ непохѣ-
рнаго уваженія къ святымъ и для напоминанія имъ, что посто-
янная достояніе одинъ Богъ.

— Скажите мнѣ это прище.

— Памва, Пименъ и другіе свѣтые подвижники въ нитрійской пустынѣ съ любовію принимали посѣтителей для того, чтобы своими поученіями и праведнымъ житіемъ собратій воспламенить въ нихъ любовь къ Богу; а Моисей Муринъ, Арсеній и другіе, въ той же пустынѣ, справедливо убѣгали отъ посѣтителей для того, чтобы напомнить имъ, что спасеніе ихъ зависитъ отъ Бога, а не отъ людей. Понялъ ли?

— Понялъ.

— Повтори же мнѣ: почему одни подвижники принимали приходящихъ къ нимъ?

— Потому что желали привлечь ихъ къ Богу.

— А почему другіе не принимали ихъ?

— Потому что желали отвлечь ихъ отъ непомѣрнаго уваженія къ людямъ и приблизить ихъ къ Богу-же.

— Хорошо! Ты понятливостію своею заохочиваешь меня продолжать мое сказаніе. Слушай!

390 г.

Въ 390 году прибылъ въ нитрійскую пустыню нѣкто Палладій, въ послѣдствіи епископъ славенопольскій въ Визоніи. Три года онъ жилъ тамъ подъ руководствомъ святаго Макарія александрійскаго, и описалъ подвиги и чудеса его. Однажды онъ, пришедши къ сему богопоченному мужу, засталъ у двери его кельи священника ближняго мѣстечка, у котораго лице и голова были обезображены болѣзнію, называемою ракъ, такъ что во всемъ черепѣ его были дыры. Этотъ священникъ пришелъ заѣмъ, чтобы получить исцѣленіе. Но Макарій не хотѣлъ даже и говорить съ нимъ. Палладій просилъ авву сжалиться надъ страдальцемъ, или по крайней мѣрѣ дать ему какой либо отвѣтъ. Авва же открылъ Палладію, что онъ недостойнъ исцѣленія, и что Богъ наказалъ его страшною болѣзнію за тяжкій грѣхъ. «Впрочемъ, если ты хочешь,—

примолвилъ Макарій,—чтобы онъ исцѣлился, то уговори его не священнодѣйствовать до конца жизни».—Что бы это значило? спросилъ Палладій. Авва отвѣчалъ: «Богъ наказалъ его именно за то, что онъ совершалъ святые тайны въ нечистотѣ души и тѣла; однако если онъ, страшась гнѣва Его, воздержится отъ прежняго грѣха, то исцѣлится». Палладій передалъ эти слова святаго старца злополучному священнику; и онъ далъ обѣтъ, что во все остальные годы своей жизни уже не будетъ священнодѣйствовать. Тогда св. Макарій позвалъ его къ себѣ и спросилъ: вѣришь ли ты, что есть Богъ, отъ котораго ни что не скрыто?—Вѣрю, отецъ мой—отвѣчалъ священникъ.—Итакъ если ты вѣришь,—говорилъ святой,—и признаешь всю важность грѣха твоего, и исповѣдусь, что правосудный Богъ за него покаралъ тебя, то исправься.—Тогда священникъ исповѣдалъ грѣхъ свой, обѣщался не дѣлать его, и никогда не служить литургіи, а дожидать вѣкъ свой миряниномъ. Св. Макарій, прозрѣвъ въ немъ твердое намѣреніе исправиться, возложилъ свои руки на голову его и помолился о немъ Богу. Черезъ нѣсколько дней недугъ его исчезъ; на головѣ выросли волосы; и онъ возвратился въ домъ свой, славя Бога и благоговѣя предъ угодникомъ Его.

— Страшно ли чуждымъ людямъ слышать это,—спросилъ Чравъ.

— Да! Страшно впасть въ руки Бога живаго. Но Онъ милостивъ ко всемъ кающимся.

— А совершались ли святые тайны, когда служилъ этотъ порочный священникъ?

— Совершались, по вѣрѣ христомлюбаго народа. Въ вѣрѣ его много силы. Я объясню тебѣ это сравненіемъ. Вообрази себѣ дремучій лѣсъ, давно посаженный Богомъ. Онъ состоитъ изъ разныхъ деревьевъ, большихъ и малыхъ, старыхъ и молодыхъ, и все они гниваютъ въ себя влагу изъ земли и теплоту изъ воздуха, растутъ роскошно и стоятъ крѣпко. Но

однажды вѣтеръ занесъ въ него злотацественное сѣмя, изъ котораго выросло ядовитое растеніе на самомъ лучшемъ мѣстѣ. Вѣдь и это растеніе вливаетъ въ себя общую всѣмъ деревьямъ влагу и теплоту; но та и другая превращается въ ядъ только въ немъ, а не въ прочихъ деревьяхъ. Это растеніе не портитъ всей земли подъ лѣсомъ, не заражаетъ всего воздуха надъ нимъ и среди его, не мѣшаетъ другимъ деревьямъ всасывать жизнь изъ сосцовъ природы. Такъ и порочный священникъ, одинъ среди христіанской общины, не препятствуетъ ей получать благодать Св. Духа чрезъ таинства, потому что сама она вѣрою и любовію дружно принимаетъ въ себя эту благодать, присущую всѣмъ вездѣ. Вѣрующей и любящей Господа общинѣ таинства, совершенныя недостойнымъ священникомъ, служатъ во спасеніе, а ему самому въ осужденіе.

— Да, вѣдь, не община совершаетъ таинства, а священникъ?

— Конечно, священникъ, но не одинъ. Всѣ наши литургіи, всѣ службы, всѣ молитвы написаны и совершаются такъ, что священникъ и христіане единодушно участвуютъ въ совершеніи ихъ. Напримѣръ: священникъ говоритъ имъ: *миръ всѣмъ*, а они отвѣчаютъ: *и духови твоему*, онъ возглашаетъ: *горю имъ*, а они поютъ: *имамы ко Господу*; онъ благодаритъ Господа, а эти—*достойно и праведно есть покланятися Отцу и Сыну и Св. Духу*. Священникъ и христіане вмѣстѣ призываютъ Святаго Духа въ себя и на дары, когда поется пѣснь: *Тебе поемъ..... и молимтися, Боже нашъ*. Такимъ образомъ недостойство одного члена общины, кто бы онъ ни былъ въ ней, не препятствуетъ совершенію таинства, коль скоро въ прочихъ есть вѣра, страхъ Божій и любовь.

— А когда вся община не вѣруетъ?

— Ну, тогда и благодати не получаетъ, подобно тому, какъ засохшій лѣсъ не всасываетъ въ себя ни теплоты, ни влаги.

Но такой общины не найдешь нигдѣ. Во всей католической церкви много грѣшниковъ, а невѣрующихъ мало.

— Когда крестить младенца нетрезвый священникъ, да и родители и восприемники его не вѣруютъ: тогда крещаемый получаетъ ли святую благодать?

— Получаетъ.

— Какъ же?

— Иванъ! Смотри на кисть моей руки, и вообрази, что четыре пальца ея иссохли, а мизинецъ цѣль; потомъ скажи мнѣ: втекаетъ ли въ него кровь изъ тѣла моего?

— Втекаетъ; иначе иссохъ бы и онъ.

— Такъ и въ душу младенца вселяется благодать Божія по вѣрѣ той общины, среди которой живутъ нечестивые родители и восприемники его. Вѣра и молитвы всѣхъ вообще христіанъ подобны разливу солнечнаго свѣта. Какъ этотъ свѣтъ живить и озарять все; такъ и общая вѣра и общая молитва всего христіанскаго народа и пречестныхъ священниковъ его, просящихъ Бога воспитать младенцевъ и наставить юныхъ, дѣйствуютъ на младенческія души, вливая въ нихъ благодать Божію.

— Община не можетъ ли сама совершать таинства, когда священникъ у ней не благочестивъ?

— Не можетъ. Ибо священство учредилъ самъ Господь Іисусъ Христосъ. Кто же посмѣетъ отмѣнить учрежденіе Его?

— Хорошо, какъ бы всѣ священники были благочестивы!

— Что и говорить объ этомъ! У насъ другія рѣчи впереди. Но дай мнѣ воды. Меня мучить жажда.

Когда Палладій жилъ у св. Макарія, тогда въ Скитѣ пріѣхали знатные и богатые родители съ дочерью своею—дѣвицею, которая давно была разслаблена, и положили ее

на землѣ у порога кельи сего святаго мужа. Макарій, увидѣвъ ее тутъ, почувствовалъ величайшее состраданіе къ ней, умилился смиреніемъ и вѣрою какъ ея, такъ и давшихъ ей жизнь, и въ теченіи двадцати дней мазалъ ее благословеннымъ слесемъ, молясь о ней Богу. Дѣвица исцѣлилась, и пѣшкомъ возвратилась въ свой домъ. (Ibidem. t. II. p. 174. 227. 228).

Ранѣ 391 г.

Въ одно время съ Макаріемъ въ скитской пустынѣ похвизался преподобный авва Оръ. Видѣть его пожелалъ графъ Лопгнитъ, и когда пріѣхалъ въ Скитъ, упросилъ одного старца проводить его въ келью аввы. Этотъ старецъ, зная нерасположенность Ора принимать знатныхъ посѣтителей, почелъ за нужное предупредить его, и расхвалить ему графа, какъ набожнаго и нищелюбиваго христіанина. Но преподобный пустынныйъ сказалъ ему: «я знаю, что онъ человѣкъ хорошій, однако прошу тебя остановить его, чтобы онъ не переходилъ за эту лоцину (ζάρυγγα)*. Графъ не видалъ Ора. (Ibidem t. II. p. 158).

Къ сему аввѣ ходилъ преподобный Сисой, спасавшійся на торѣ св. Антонія. Валивалъ, ч. пробылъ ч. чаше ѣлалъко дней, поучалъ смиренію его и послушанію ученика его Аѳра. Однажды пѣкто принесъ имъ малую рыбу. Аѳръ, какъ только началъ потрошить ее, услышалъ кличъ наставника своего, и въ ту же минуту оставилъ ножъ въ рыбѣ и побѣжалъ къ старцу. Сисой, замѣтивъ это, спросилъ его: какъ ты достигъ такой быстроты въ послушаніи? Аѳръ отвѣчалъ ему: «тебя занимаетъ мое послушаніе; но лучше присмотришься ты къ послушанію старца моего. Пойдемъ къ нему. Онъ будетъ обѣдать». Пошелъ Сисой, и что же видѣлъ и слышалъ? Аѳръ подаль аввѣ Ору рыбу, парочию приготоливъ ее худо, дабы

гость былъ свидѣтелемъ кротости и терпѣнія его. Авба ѣлъ ее, не показывая отвращенія. Послушникъ спросилъ его: отецъ мой, вкусна ли эта рыба?—Вкусна,—отвѣчалъ онъ чистосердечно. Потомъ Аеръ подалъ ему другое кушанье, приготовленное лучше, и сказалъ: отецъ мой, я худо приготовилъ это. Сръ отвѣдалъ и проговорилъ: да, это не очень вкусно.—Такимъ образомъ наставникъ кротко подчинился ученику своему. Послѣ сего Аеръ сказалъ Сисою: «теперь ты видѣлъ, кто здѣсь лучше повинуется, я, или сей достопочтенный старецъ. (Ibidem. t. II, p. 160).

— Но зачѣмъ Аеръ обманывалъ его?

— Иванъ, ты не такъ говоришь! Онъ не обманывалъ, а испытывалъ старца. Обманывать грѣшно, а испытывать ради назиданія себя и другихъ, или ради дознанія правды, позволительно. Положимъ, напр., что тебѣ не хочется ѣхать со мною, и ты говоришь, что темная вода подступаетъ къ глазамъ твоимъ. Я и вѣрю и не вѣрю тебѣ и, желая узнать правду, спустя нѣсколько часовъ говорю тебѣ: Иванъ, Иванъ! мнѣ кажется, тамъ вдали ползетъ толстый змѣй! А ты, не опомнясь, отвѣчаешь: какой змѣй! тамъ лежитъ большой сучокъ. И я вижу сучокъ этотъ, и узнаю, что зрѣніе у тебя остро; но обманываю ли тебя представленіемъ змѣя? Нѣтъ, не обманываю, а только пытаю правду.

Ранѣ 404 г.

Нитрійскіе пустынники, какъ магниты, привлекали къ себѣ твердыхъ въ вѣрѣ христіанъ.

Изъ вилеємскаго монастыря приходили къ нимъ благочестивые и любознательные монахи, Кассіанъ и Германъ, чтобы поучиться у нихъ богоугодному житію. Семь лѣтъ они провели въ египетскихъ монастыряхъ и въ нитрійской пустынѣ, и видѣли здѣсь учительныхъ старцевъ—Моусея, Пафнутія,

Даніила, Серапіона, Оеодора, Серена, Исаака и Оеону. Отъ этихъ двухъ путешественниковъ мы знаемъ, кто и какъ здѣсь жилъ и чему училъ. Послушай, какъ въ одно воскресеніе угостилъ ихъ авва Серень.

Когда они послѣ обѣдни пошли въ келью его и сѣли за столъ,—онъ вмѣсто соленоватой воды, которую пилъ ежедневно, вливая въ нее одну каплю деревяннаго масла, поставилъ воду болотную, потому что лучшей не было, и противъ обычая своего влилъ въ нее нѣсколько капель слезъ, дабы гости не подумали, что онъ великій постникъ; сверхъ того предложилъ три соленныя маслины и корзинку съ поджареннымъ горохомъ и съ плодами. Гости взяли только по пяти горошинъ, по двѣ сливы и по одной смоквѣ, потому что въ пустынѣ почиталось преступленіемъ ѣсть больше. Вотъ какой обѣдъ былъ у аввы Серена! Кассіанъ называлъ его роскошнымъ (t. II. p. 433).

Сей вилсесмскій инокъ во время пребыванія своего въ нитрійскомъ скиту былъ свидѣтелемъ вразумленія пустытника Серапіона. Этотъ простосердечный авва жилъ свято, но вмѣстѣ съ многими неучеными собратіями, не давно переставшими кланяться идоламъ, представлялъ себѣ Бога въ видѣ человека, и когда молился ему, воображалъ его съ головою, руками и ногами. Въ семь заблужденій утверждали его худо понятыя слова священнаго Писанія: *сотворимъ человека по образу и по подобію нашему*. Изъ сихъ словъ онъ заключалъ, что каковъ человекъ, таковъ и Богъ, и что у Него кромѣ души есть тѣло. Духовный отецъ его Пафиутій долго вразумлялъ его; но всѣ объясненія его были тщетны. Серапіонъ думалъ, что ученіе духовника его о Богѣ, какъ существѣ безтѣлесномъ, духовномъ и безпредѣльномъ, есть ученіе новое, противное древнему преданію и общему смыслу людей. Между тѣмъ въ скитъ прибылъ изъ Каппадокіи ученѣйшій діаконъ

Фотинъ, дабы соутѣшиться вѣрою и праведнымъ житіемъ пустынниковъ. Пафнугій упросилъ его поговорить въ собраніи всѣхъ скитниковъ о томъ, какъ всѣ церкви на востоѣ разумѣютъ и изъясняютъ слова: *сотворимъ человека по образу и по подобію нашему*. Фотинъ, не обинуясь, исповѣдалъ, что всѣ восточные епископы сознаютъ Бога, какъ существо духовное и ничѣмъ не ограниченное, и учатъ, что по образу и подобію Его сотворена только душа человека, и подтвердилъ все это многими свидѣтельствами св. Писанія. Онъ говорилъ такъ ясно, просто и убѣдительно, что добрый старецъ Серапіонъ созналъ свое заблужденіе, раскаялся въ немъ, и принявъ истину, которую исповѣдывали всѣ христіане. А Кассіанъ сердечно обрадовался тому, что Богъ не попустилъ святому старцу, служившему образцомъ добродѣтели въ пустынѣ, умереть въ заблужденіи и озарилъ его свѣтомъ истины (t. II; p. 423).

Кромѣ Кассіана изъ Вилесма ходилъ въ нитрійскую пустыню блаженный Іеронимъ, мужъ весьма ученый и знаменитый. Онъ описалъ уставъ, т. е. правила житія тамошнихъ монаховъ.

— Скажите мнѣ хотя одно правило.

— «Въ воскресные дни пустынники занимались только молитвою и чтеніемъ св. Писанія».—Слышишь, какъ они святили эти дни!

— Слышу и признаюсь, что никогда не читаю евангелія.

— Читай слово Божіе. Оно лица души. Читай и житія святыхъ. Они—зеркала души. Посмотришь въ нихъ и увидишь, какъ темна душа твоя и какъ свѣтлы души праведныхъ, и чѣмъ онѣ просвѣщали себя. Но рѣчь моя впереди.

405 год.

Около 405 года въ Египетъ пріѣзжалъ Постуміанъ, родомъ галль, и посѣтилъ тамъ многіе монастыри. Въ крат-

комъ описаніи путешествія его ¹⁾ помѣщено сказаніе о чудотвореніи одного нитрійскаго отшельника.

«Вѣра Христова, говоритъ Постуміанъ, свидѣтельница мнѣ въ томъ, что я ничего не выдумываю, а передаю то, что слышалъ отъ достовѣрныхъ мужей. Въ пустынѣ многіе монахи живутъ безъ палатокъ. Ихъ называютъ отшельниками. Они питаются бореньями травъ, переходятъ съ мѣста на мѣсто и спятъ тамъ, гдѣ застигнетъ ихъ ночь. Одного изъ такихъ скитальцевъ пошли искать два монаха изъ Нитріи, наслышавшись о святости его; ибо онъ сначала жилъ въ монастырѣ ихъ и былъ любимъ ими. Семь мѣсяцовъ они искали его въ пустыняхъ, и наконецъ нашли недалеко отъ Мемфиса. Хотя онъ избѣгалъ встрѣчи съ людьми, но отъ этихъ знаемыхъ монаховъ не скрылся, и провелъ съ ними трое сутокъ. Въ четвертый день они пошли въ свой монастырь. Отшельникъ провожалъ ихъ недалеко. На дорогѣ внезапно явилась большая львица и, подбѣжавъ къ нему, разными тѣлодвиженіями начала выражать ему печаль свою и манить его за собою, куда ей нужно. Отшельникъ и спутники его пошли за нею. А она то бѣжитъ впередъ, то останавливается, ожидая старцевъ, и такъ даетъ имъ чувствовать, чтобы они слѣдовали за нею. Наконецъ эта самка подвела ихъ къ пещерѣ, и оттуда вынесла пять слѣпыхъ львенковъ и подожила ихъ у ногъ отшельника. Св. старецъ понялъ ея материнское желаніе, призвалъ имя Божіе, потеръ рукою глаза львенковъ; и они увидѣли свѣтъ. Такимъ образомъ оба нитрійскіе монаха за долгій поискъ сего чуднаго отшельника вознаграждены были тѣмъ, что видѣли вѣру его и славу Христову».

— Велика сила вѣры!

— Чудодѣйственно имя Христа Бога!

¹⁾ Sulpic. Severi Opera. Dialogi. Lugduni Batavor. 1647 an.

— Приятно слышать такіа сказанія.

— Припоминаю, что еще знаю.

Ранѣе 450 год.

Въ питрійскомъ свѣту спасался авва Пименъ. Его духовная мудрость и святое житіе назидали многихъ. Однажды пріѣхалъ въ нему египетскій купецъ, христіанинъ набожный и добродѣтельный, чтобы послушать поученій его. Туда же и за тѣмъ же пришли нѣкоторые монахи изъ разныхъ монастырей. Но Пименъ, который по смиренію своему любилъ лучше внимать наставленіямъ другихъ старцевъ, нежели говорить свои, хотя евангельская любовь побуждала его часто проповѣдывать въ скитской церкви, просилъ этого купца сказать что-нибудь въ назиданіе гостей. Купецъ долго отговаривался, извинялся, что онъ пришелъ въ скитъ учиться, а не учить. Но авва не переставалъ упрашивать его. Гость повиновался ему и сказалъ: «я мірянинъ; занимаюсь торговлею; покупаю товары дешево, а продаю дорого; не умѣю разсуждать съ вами по руководству св. Писанія, котораго и не читалъ, но скажу вамъ притчу. Однѣхъ человѣкъ, пламенно желая видѣть государя своего, просилъ одного изъ друзей своихъ проводить его въ царскіе палаты. Тотъ взялъ его съ собою и пошелъ только до половины улицы, и довелъ его туда. Тамъ встрѣтился съ нимъ второй другъ, и выслушавъ просьбу его, объявилъ ему, что онъ доведетъ его только до царскаго чертога. Когда они пришли въ чертогъ, тогда второй другъ возвратился назадъ, а тотъ человѣкъ нашелъ тутъ третьяго друга своего, и повѣдалъ ему, что онъ желаетъ представиться государю. Этотъ другъ сказалъ ему: хорошо! Я введу тебя въ чертогъ и представлю царю, съ которымъ ты поговоришь. Притча кончена».—Всеѣ пустынники просили купца изъяснить ее; и онъ сказалъ имъ: первый другъ есть покаяніе, вводящее

насъ на путь спасенія, второй—цѣлоумудріе, приближающее насъ къ Богу, а третій—милостыня, помогающая намъ предстать предъ лице верховнаго Судии съ упованіемъ на милосердіе Его.—Пустышники очень довольны были какъ притчею, такъ и объясненіемъ ея, и разошлись по кельямъ съ сладкимъ брашномъ для души (t III, 165).

— Отъ всякаго благочестиваго христіанина можно научиться чему-нибудь доброму.

— Справедливо. Не велика луна, а свѣтитъ большой землѣ. Господь малое отроча представилъ апостоламъ въ образецъ смиренія, кротости, простоты, покорности, вѣры и любви. Св. Макарій египетскій, однажды подслушавъ слѣдующія слова отроча, сказавша имъ матери: *я ненавижу этого богача, который любитъ меня, и люблю этого бѣдняка, который ненавидитъ меня*,—обратилъ ихъ въ назидательный урокъ для себя и для братій, сказавъ: «мы поступаемъ подобно этому отрочу; не любимъ любящаго насъ богатѣйшаго Бога, а ненавидящаго насъ бѣднѣйшаго діавола любимъ».

Около 612 года.

Послѣдній изъ древнихъ путешественниковъ, которые видѣли древнѣйшихъ отцовъ нитрійскихъ, былъ Іоаннъ Мосхъ, монахъ изъ палестинскаго монастыря св. Осодосія Кинновіарха. Изъ книги его, называемой *Лугъ Духовный* (глава 112), видно, что еще въ его время, въ самомъ началѣ седьмаго столѣтія, въ нитрійскомъ скиту жили строгіе подвижники. Однѣ изъ нихъ, авва Іоаннъ рассказывалъ ему, что когда онъ, будучи еще молодъ, жилъ въ скиту, тогда у одного старца разболѣлась печень, и для него искали укусу въ четырехъ лаврахъ скита, въ коихъ считалось 3500 монаховъ, но не нашли ни одной капли. Такова была произвольная нищета этихъ пустынниковъ!

Продолжительный разговор утомилъ меня. Я сѣлъ на осла и велѣлъ арабамъ погонять верблюдовъ, дабы засвѣтло поспѣть въ монастырь св. Макарія, до котораго было еще далеко.

20 минутъ 5-го часа. Вду. Въ передней дали показалось неподвижное синее облако, широкую и длинную полосою протянутое отъ запада къ востоку. Но то было не облако, а нитрійская гора, повитая синевою. Темя ея такъ ровно, какъ будто срѣзано по шнуру. Сквозь густо-синій отсвѣтъ не видать было ни отроговъ, ни постеппыхъ повышеній и пониженій ея. Такая цвѣтность была пріятна для глазъ, утомленныхъ однообразіемъ песчаной пустыни и кучками камней, кои бедуины разставили по дорогѣ для обозначенія прямизны ея.

Вду и, любуясь синевою горы этой, думаю:

«Тамъ жили небесные челоѣки и земные ангелы. Уста ихъ непрестанно славословили Бога. Пустыня днемъ и ночью оглашалась ихъ псалмопѣніями. Они сознавали въ себѣ скорѣе бытіе души, нежели тѣла. А ея грѣховные помыслы и страсти, равно какъ и средства къ очищенію ихъ, были извѣстны имъ лучше, нежели какъ знали ихъ философы. Мало дождей пролилось на ту жаждущую пустыню, но за то обильно полились ея слезы. И какія слезы! Божьими! Тѣ были дарами достойные зрѣнія ангеловъ. Вѣра и молитва тамошнихъ угольниковъ Божиихъ извлекла изъ лона Божества струи жизни для мертвыхъ, искры свѣта для слѣпыхъ, и новыя силы для недужныхъ. Эти угольники говорили умамъ и сердцамъ о вѣчномъ спасеніи. А добродѣтели ихъ были осуществленныя псалтирь и евангеліе. Почти каждый изъ нихъ былъ живой стихъ изъ этихъ двухъ богодухновенныхъ книгъ. Преподобный Аммонъ не видалъ своего ложа, какъ Христосъ не имѣлъ гдѣ поклонить главы своей. Преподобный Іоаннъ Малорослый кротостію своею, отвѣчавшею на всѣ обиды молчаіемъ, на-

поминалъ всѣмъ слова Господа: *научитесь отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ*. Святѣй Памва въ теченіи двадцати лѣтъ учился исполнять заданный ему старцемъ его первый урокъ—*речь: сохраню пути моя, еже не сокрушити ми языкъ мой* (Псал. 38, 1)—и умирая повѣдалъ братьямъ, что онъ никогда не раскаявался ни въ одномъ словѣ своемъ. Не даромъ приходили къ нимъ христіане изъ многихъ странъ. Они учились у нихъ жить и умерать для Бога. Та гора была мѣсто соборное. Лишь одинъ предѣи наши не посѣщали ея; но я, одинъ, за всю Русь оттопчу хотя малѣй край ея.—Пятнадцать вѣковъ пронеслось надъ нею съ той поры, когда тамъ поселился пустынный Аммонъ. Она—таже и теперь. Но уже нѣтъ на ней святыхъ. Однако они опять явятся тутъ въ тотъ единственный день, когда воскреснутъ всѣ мертвые. Какой лучезарный сонмъ тогда будетъ восхитенъ тамъ на облака для срѣтенія Судинъ живыхъ и мертвыхъ!»

Бѣду. Солнце впереди меня закатывается. Вся пустыня озарена прощальнымъ свѣтомъ его. Нигдѣ нѣтъ черныхъ тѣней, кромѣ тѣхъ, кои струятся отъ насъ. Онѣ весьма длинны.

45 мин. 6 часа. Небесное свѣтило погрузилось какъ бы въ землю; и на самомъ мѣстѣ заката его показалась золотистая заря. Скоро исчезла и она. Ее замѣнило блѣдно-орудужное сіяніе, и узкимъ вѣяномъ легло на далекія окраины темнѣющей пустыни. Я замѣлъ: *Сяте тихій святая слава* и проч.

Вскорѣ по закатѣ солнца поѣздъ мой началъ спускаться съ пустынной выси въ долину Эн-Насръ, соединенную съ нашатырнымъ озеромъ. Прямо противъ насъ вдали стоялъ монастырь св. Макарія. Въ сумракѣ онъ казался какъ большое черное пятно на бѣложелтоватой покатости земли. Посмотрѣвъ на него, я перекрестился и пѣшкомъ пошелъ подъ гору. Скатъ ея—не длиненъ и не крутъ. Стало быть, эн-нарская долина

лежать очень высоко надъ уровнемъ Нила. Правая окраина
сея подернута глубокимъ пескомъ.

Ровно въ семь часовъ бедующи остановились въ ней
подлѣ колодца съ соленоватою водою, и уговорили меня про-
вести тутъ ночь, извиняясь усталостію и позднимъ време-
немъ, въ которое трудно попастьъ въ запертый монастырь
Переводчикъ мой съ помощію ихъ поставилъ мою палатку
на влажномъ пескѣ, и изготовилъ мнѣ ужинъ. Луна освѣтила
долину и монастырь св. Макарія. Я прочиталъ пятьдесятый
псаломъ, и сладко заснулъ на рубежѣ священной пустыни.

4 Понедѣльникъ.

Отецъ небесный, который не спитъ и не дремлетъ, со-
держа все могуществомъ своимъ, сохранилъ меня и спутни-
ковъ моихъ отъ всякой напасти. Продолжительный сонъ укрѣ-
пилъ наши силы, и мы поѣхали (въ 20 м. 6 часа) въ прямомъ
направленіи къ монастырю св. Макарія, поперекъ долины Эн-
Насръ. Эта долина, или, точнѣе сказать, глубоковатая лож-
бина между двумя каменистыми возвышенностями, подернута
пескомъ, утытана зелеными кочками, и по мѣстамъ весьма
влажна. Ширина ея соотвѣтствуетъ нашимъ тремъ верстамъ,
а излучистаго протяженія ея къ сѣверу, гдѣ она соединяется
съ напатырнымъ озеромъ, не охватила мой взоръ. Не знаю,
отъ чего и какъ образуется тутъ напатырь въ большой дали
отъ Средиземнаго моря и на значительномъ возвышеніи надъ
уровнемъ его и египетской водотечи, отъ которой до Эн-Насра
мы проѣхали верстъ пятьдесятъ, долго поднимаясь выше и
выше... Какіе потаенные насосы изъ нѣдръ земли вытягиваютъ
соль на поверхность этой долины? Какія средоземныя жилы, и
черезъ какія скважины доводятъ туда соленую влагу? Богъ вѣсть.
Появленіе воды у чела горъ, или на темени ихъ, или
въ высокихъ долинахъ ихъ—великая тайна для меня.

Съ дорога ясно видѣль былъ монастырь св. Макарія на противоположной, мало приподнятой, окраинѣ Эн-Наера, какъ большой дворъ, огороженный съ четырехъ сторонъ весьма высокими каменными стѣнами безъ башенъ. Изъ-за стѣнъ его не видать было ни кедій, ни церквей, ни пальмъ. Смотри на него и на окрестную безжизненную пустыню, я хорошо понялъ, что такое пустыжникъ. Это самоотверженный ратоборець съ духами злобы и съ страстями въ самомъ отдаленномъ отъ мірскихъ селеній мѣстѣ, гдѣ нѣтъ и тѣни чегонибудь живаго. Въ той каменной разсѣлинѣ, гдѣ стоитъ лавра Саввы Освященнаго, еще гнѣздятся голуби, летаютъ скворцы, живутъ шакалы, и порою шумно течетъ потокъ кедронскій. А въ нитрійской пустынѣ нѣтъ ничего, кромѣ камней, песку и мертвой воды. Здѣсь разлука пустытника съ міромъ—гробовая, самоотверженіе его—неизмѣримое, долготерпѣніе его—сверхъ-естественное!.. Здѣсь опъ—нуль, но съ райскими единицами, подъ которыми я разумѣю дары и утѣшенія благодати. Здѣсь отшельничество доказываетъ, что человѣкъ есть духъ, предназначенный жить вѣчно въ сонмѣ духовъ безплотныхъ.

Чѣмъ ближе я подходилъ къ цѣли путешествія моего, тѣмъ болѣе возмущался, сравнивая самоотверженіе свое съ совершеннымъ самоотреченіемъ нитрійскихъ отцовъ и погруженіемъ ихъ въ Бога. Внутренній голосъ говорилъ мнѣ: «они не двоились между Богомъ и міромъ, за то и Богъ не растешетъ ихъ полами (т. е. по поламъ); а ты? а тебя?» На эти два вопроса отвѣчали двѣ слезы мои.

Ровно въ шесть часовъ поѣздъ мой остановился не у воротъ, а у малаго отверстія въ нижней части высокой стѣны монастырской. Я перекрестился и возблагодарилъ Бога, безопасно приведшаго меня на мѣсто духовныхъ подвиговъ св. Макарія и преподобныхъ собратій его. Погонщики тотчасъ

развѣച്ചили верблюдовъ, поджали имъ колѣни, и въ этомъ положеніи потянули за поводъ каждаго изъ нихъ въ узкое и низкое отверстіе стѣны. Эти животныя охотно ползли туда на колѣняхъ, нагнувши свои головы. Я, смотря на эту невидаль, вспомнилъ слова Христовы: *удобѣе вельбуду проити сквозь иллыны уши, неже богату въ царствіе Божіе внити*, и согласился съ тѣми толковниками, которые подъ этими ушами разумѣли маленькую дверь въ оградѣ. Толкованіе ихъ вѣрно! А въ сказанномъ сравненіи Іисуса Христа нѣтъ никакого преувеличенія; ибо Онъ заимствовалъ его изъ опыта: но нѣтъ и безотраднато понятія о невозможности вѣчнаго спасенія людей богатыхъ.

Пока арабы дѣлали свое дѣло, пока я переодѣвался въ шерстяную черную рясу, которую купилъ въ Іерусалимѣ, — монахи, чрезъ то же отверстіе, вышли и привѣтствовали меня съ благополучнымъ пріѣздомъ. Старшему изъ нихъ я вручилъ письмо коптскаго патріарха Петра, и, высказавъ цѣль своего путешествія, просилъ у него пріюта на нѣсколько дней. «Монастырь вашъ», сказалъ онъ по обычной на востокѣ учтивости. Тоже повторили и прочіе монахи и повели меня за собою. Я, согнувшись въ дугу, прошелъ сквозь отверстіе въ оградѣ, и, пройдя нѣсколько шаговъ, вошелъ въ главную церковь, и какъ только приблизились къ ней, зазвѣли какой то священникъ стихъ. А на сосѣдней колокольнѣ раздался благовѣстъ. Монахи нѣсколько минутъ простояли безмолвно у самаго входа въ церковь, настроивая себя къ молитвѣ, и вошли туда. Начался обрядъ принятія поклонниковъ. Мнѣ дали въ руки крестъ и возженный трисвѣщникъ (трикирій), оба мѣдные, и повели меня въ алтарь, а оттуда, послѣ троекратнаго обхожденія святой трапезы съ цѣлованіемъ угловъ ея, провели подлѣ стѣнъ всей церкви, и посадили на кресло противъ иконостаса, немного лѣвѣе царскихъ

вратъ. Я сижу тутъ благоговѣнно. Предо мною полукругомъ выстроились двѣнадцать монаховъ, въ сандаляхъ на босу ногу, въ черныхъ рясахъ и тюбанахъ на головѣ, наискось ребристо обвитыхъ тонкими складками чернаго платка, а направо отъ нихъ стали пѣвцы, держа въ рукахъ мѣдныя тарѣлки, колокольчикъ и стальной триугольникъ. Началось пѣніе подъ нестройные звуки этихъ металлическихъ вещицъ. Я сижу благоговѣнно и слушаю пѣвцовъ. Спустя нѣсколько минутъ первый изъ двѣнадцати монаховъ подошелъ ко мнѣ съ ладанницею и кадиломъ, попросилъ меня вложить въ него оуміамъ, поцѣловаль мою руку и покачалъ меня девять разъ. Послѣ него тоже дѣлали второй, третій и всѣ прочіе монахи. А я сижу благоговѣнно, и—то посматриваю на постыныя и желтыя лица отшельниковъ, то прислушиваюсь къ пѣнію ихъ, то припоминаю наши и греческіе напѣвы, и думаю о вліяніи мѣстностей на строй ихъ и о выраженіи христіанскихъ понятій и чувствованій звуками. Греческое пѣніе иногда напоминаетъ быстрое теченіе горнаго потока, дробимаго малыми камнями въ руслѣ, и индѣ катящагося съ подскокомъ; таково пѣніе псалма: *благослови, душе моя, Господа* и славословія великаго. Иногда оно выражаетъ постепенное возвышеніе горъ, заоблачныя вершины ихъ и крутизны съ стремнинами; таково пѣніе херувимскихъ и причастновъ: тутъ низніе плавные тоны соотвѣтствуютъ равнинамъ, средніе и верхніе—уступамъ горъ, а высочайшіе и вдругъ обрывающіеся внизъ—горнымъ вершинамъ и пропастямъ. Такимъ пѣніемъ выражается всемогущество Бога, создавшаго Олимпъ, Парнасъ, Аѳоны, Пиндъ, Тавръ, Ливанъ и текуція съ нихъ рѣки. Наше хоровое пѣніе, съ урчащею октавою и протяженіемъ одного голоса въ концѣ пѣснопѣній, напоминаетъ шумъ нашихъ лѣсовъ, гулъ нашихъ громовъ, необъятное пространство родимой земли, и выражаетъ безпредѣль-

пость Божества, милостиво подающаго намъ всякій хлѣбъ и всѣ прочія блага. У грегоровъ весь хоръ старцевъ и дѣтей тянетъ одинъ *ключевый* тонъ, а теноръ поетъ кудряво, возвышая и понижая голосъ полутонами, третями и даже четвертками тоновъ. По умозрѣнію ихъ, *ключъ*, то есть, главный нижній тонъ знаменуетъ одно неизмѣнное естество Лицъ Святой Троицы, а кудрявые звуки тенора выражаютъ разныя дѣйствія благодати сихъ Лицъ, паче въ душахъ. У насъ то же самое знаменуетъ общая тема напѣва, и тоже выражаетъ гармонія разныхъ голосовъ.—Что касается до коптскаго пѣнія, то оно, почти однотонное, или похожее на ломаную линію и унылое, напоминаетъ тихое теченіе извиристаго Нила и однообразіе окрестныхъ пустынь, и выражаетъ покаяніе грѣшника и милосердіе Спасителя.

По окончаніи обряда я перешелъ въ малую церковь св. Харбона, и въ западной части ея, отдѣленной отъ середины стѣнкою, въ которой устроена дверь, поставилъ свою походную кровать, столъ и стулъ, оба складные, и прочія вещи. Добрые пустынники сами убавили мнѣ это мѣсто, какъ удобное для спокойнаго пребыванія въ монастырѣ ихъ на короткое время. Этимъ не нарушалась пристойность. Ибо званіе и санъ мой давали мнѣ доступъ въ самый алтарь, гдѣ совершаются божественныя Тайны.

Достигъ я цѣли путешествія своего. Благодареніе Богу!

Теперь откладываю въ сторону путническое перо свое, и беру другое, очивенное для начертанія исторіи тѣхъ странъ, кои суждено мнѣ видѣть.

Нитрійская пустыня имѣетъ свою исторію. Жившіе тамъ святые отцы словами и дѣлами своими, вѣрою и чудесами своими, кои записаны очевидцами, назидали христіанъ всѣхъ вѣковъ, начиная съ четвертаго до нашего. Посему и намъ нужно знать ихъ. Мы содержимъ вѣру католическую, то есть,

одну и ту же во все времена и во всех местах, куда только проникала она, и потому обязаны знать, какие когда сидели свѣтильники вѣры и образцы богоугодной жизни. Кроме сего это знаніе, спасительное для души, можетъ давать вѣрное направленіе панней священной живописи и обогащать ее изображеніями потрясающихъ, или умиляющихъ душу событій, каковы напримѣръ: бесѣда Памвы съ Мслапіею о Богѣ, взвѣшивающемъ горы и холмы, встрѣча римлянки съ великимъ Арсеніемъ, у котораго рѣсницы выжжены были слезами покаянія. Что касается до пресемниковъ нитрійскаго пустынножительства, коптовъ, то и ихъ судьба заслуживаетъ наше вниманіе. Ибо они, сколько я могъ замѣтить, очень близки къ намъ по вѣрѣ, богослуженію и чиноположенію, и въ свое время могутъ воссоединиться съ православною Церковію. А всякому соединенію должно предшествовать знаніе тѣхъ сторонъ, коими соприкасаются надломленные вѣтви одной масляны Христовой, т. е. Церкви, съ главнымъ стволомъ ея. Эти побужденія заставляютъ меня начертать исторію нитрійскаго пустынножительства и описать настоящее состояніе тамошнихъ монастырей. Указаніе связи прошедшаго съ настоящимъ есть непремѣнный долгъ путешественника-писателя.

(Продолженіе будетъ).

